

УДК 323.3+329

Константин Викторович Киселев

кандидат философских наук, доцент,
заместитель директора

Института философии и права
Уральского отделения

Российской академии наук

г. Екатеринбург

(343) 257-96-25 kiselevkv@yandex.ru

МИФ О СРЕДНЕМ КЛАССЕ: ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ*

Автор анализирует миф о среднем классе, его содержание, основания конструирования, политические функции, а также основные варианты его деконструкции.

Средний класс, социальная структура, мифология, миф, деконструкция мифа.

Словосочетание «средний класс» в политическом лексиконе употребляется как указание на нечто само собой разумеющееся. Термин активно используется во всех сегментах политического класса: политиками всех направлений, чиновниками, экспертами, комментаторами, журналистами и т.д. Создается впечатление, что смысл понятия абсолютно очевиден всем, и по этому поводу в науке и практике достигнуто согласие. Однако, как отмечает А. Согомонов, «если некое понятие действительно является конвенциональным, то в интеллектуальных кругах, безусловно, должна существовать негласная договоренность о его *условном* значении. Пикантность же ситуации с понятием «средний класс» заключается в том, что в нем *непроясненным* остается как раз его *условный* смысл» [10]. И уже только одна активная эксплуатация проблемы в условиях контролируемых политических коммуникаций и непроясненности смысла понятия при внешне проявляющейся и фиксируемой терминологической конвенции позволяют заподозрить саму конструкцию «средний класс» в мифологичности и делают необходимой деконструкцию и понятия, и логик, в которые это понятие включено.

Понятие «средний класс» возникло достаточно давно. Одним из видных исследователей социальной стратификации, активно вводящих его в оборот, традиционно считается американский социолог Уильям Ллойд Уорнер (W.L. Warner) (1898–1970). Изучая доми-

---

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ-Урал № 07-03-83305 а/У.

нирующие «темы» культуры «типичных» американских сообществ, У. Уорнер предположил, что реализацию этих культурных доминант, или «тем», обеспечивает соответствующая социальная (классовая) стратификация, одним из элементов которой и был средний класс («middle class»). Причем, если свое исследование Уорнер начал с попытки подтверждения гипотезы о классовой структуризации на основе дохода, то завершил признанием того, что деньги (доход, имущество, состояние) должны обратиться в абсолютно нематериальные факторы: признание, уважение, совместную деятельность, совместное участие в организациях и т.п. В результате измеримый с абсолютной точностью критерий дохода превратился в набор сложных культурных, исторических, географических и даже цивилизационных индикаторов.

Таким образом, уже у Уорнера, во-первых, средних классов было несколько: «высший-средний» и «низший-средний»; во-вторых, в разных сообществах социологическая группа Уорнера обнаруживала разное количество классов. Другими словами, из первых исследований социальной стратификации было очевидно, что даже применение комплексных критериев (образование, род деятельности, доход, имущество и т.д.) и индексов (индекс статусных характеристик и индекс оценки участия) не позволяет однозначно определять принадлежность к тому или иному классу. При этом чем более точные индикаторы вводили исследователи, тем более дифференцированной виделась социальная структура. Условно говоря, если все более и более точными делать измерения, то классовая структура грозит превратиться в атомарную, ибо один человек в реальности хоть чем-то, но отличается от другого, сам по себе представляя особый класс.

Но если Уорнер и его последователи и оппоненты проводили детальнейшие исследования в типичных американских городах, изучая не только формальные классовообразующие признаки, но и связи в вычленимых сегментах общины (знакомство, участие в работе организаций и т.п.), исследуя привычки, внешний вид и т.д., то в современной России столь детальных исследований стратификации сообществ просто-напросто не существует. Обычно ограничиваются банальной количественной социологией, изредка «сдабривая» ее экспертными интервью. Например, самое известное и самое затратное исследование проблем среднего класса было проведено журналом «Эксперт» при участии некоторых социологических служб.

Отбор респондентов для этого исследования в том числе проводился, как они сами признают, в продуктовых магазинах и супермаркетах, кафе и ресторанах, кинотеатрах и спортивных клубах, парикмахерских и салонах красоты. При этом определяющей характеристикой отбора служил внешний вид респондента. Кто в результате попал в выборку? Кто угодно, но только не те люди, которые мо-

гут дать представление о весьма многомерном явлении. Другими словами, изучали не средний класс, а отдельных потребителей соответствующих услуг, что далеко не одно и то же. Однако якобы «фундаментальные» выводы о среднем классе были сделаны.

Кроме того, респондентов отбирали через знакомых знакомых интервьюера, что неизбежно ставило результаты исследования в зависимость от социального статуса самого интервьюера. Более того, одним из оснований для выборки, отданным «на откуп» интервьюерам, стали «внешние признаки» элитного многоквартирного дома, в котором и рекомендовалось искать респондентов. Наконец, выборка проводилась только в крупных городах, в результате чего вне выборочной совокупности остались минимум половина потенциальных членов гипотетического «среднего класса». Эти, мягко говоря, проблемы выборки усугублялись качеством самой анкеты и временем, отводимым на ее заполнение. Анкета состояла из 200 вопросов, ответы на которые занимали час – полтора. В итоге 1 ответ на 1 вопрос занимал в среднем 27 секунд, включая озвучивание и осмысление вопроса, формулировку и фиксацию ответа [11].

Естественно, что изменение методики автоматически ведет к изменениям результатов, в том числе самых принципиальных, включая тенденции роста/уменьшения. Например, методика «Эксперта» исключительно оптимистична для среднего класса и приводит к заключению о его «сокрушительном» росте. Оптимизм высказывается и представителями Минэкономразвития, по подсчетам которого к 2010 г. доля среднего класса в населении страны увеличится до 30%, а к 2020 г. примерно до 50-52% [см., напр.: 7]. Самые отчаянные оптимисты увеличивают долю среднего класса в России до 70-80%. Одновременно с этим исследования Института социологии РАН много более пессимистичны и показывают, что и сегодня, и в ближайшей перспективе доминирующим классом в России будут малообеспеченные [6].

Таким образом, очевидно, что проблема заключается в критериях стратификации, в частности в критериях отнесения к среднему классу. Кстати заметим, что в этом отношении современные исследования и у нас, и за рубежом методологически не далеко ушли от самых первых социологических опытов Уорнера. Ученые все так же предлагают всего лишь три основных критерия (группы критериев) «нахождения» среднего класса:

- доход и/или состояние;
- социальный статус, включая престижность профессии, образование, должность и т.п.;
- самоощущение, самоидентификация, то есть отнесение себя к тому или иному классу, той или иной социальной группе.

Например, в упомянутом исследовании «Эксперта» российский средний класс определяется как «люди, которые благодаря

своему образованию и профессиональным качествам смогли адаптироваться к условиям современной рыночной экономики и обеспечить своим семьям адекватный времени уровень потребления и образ жизни» [14]. Таким образом, в этом «комплексном» определении предпринята попытка объединить как минимум следующие критерии: доход (уровень потребления), образование и профессионализм, образ жизни. Мало того, что эти критерии часто просто неопределенны (как можно измерить «образ жизни»), но они часто просто не совместимы. Например, начинающий предприниматель, самостоятельно принимающий решения, и рабочий-станочник или грузчик, выполняющий достаточно однообразную работу, по уровню обеспеченности могут оказаться в одной группе с доходом в 20-25 тысяч рублей, могут одинаково комфортно себя чувствовать, но различаться по образовательному критерию. Рабочий может иметь высшее образование, а предприниматель нет. Или наоборот. Если же эти критерии применять изолированно друг от друга, то образуемые группы вообще могут оказаться принципиально разнородными: предприниматель средней руки и люмпен (бомж, проститутка и т.д.) могут быть одинаково удовлетворены характером и качеством своей деятельности, а престижными могут оказаться профессии чиновника, официанта и парикмахера, но не инженера, ученого или вузовского преподавателя.

При этом самый противоречивый критерий тот, который кажется самым понятным и простым: доход. Дело в том, что доход можно получать в виде зарплаты наемного работника, а можно в виде дохода на имеющийся капитал (рента с вложений, банковский процент, арендная плата и т.п.). Ситуация с предпринимательством еще более усложняет ситуацию. Принимающий решения и управляющий своим бизнесом собственник, ростовщик и наемный работник – разные по сути люди, принадлежащие к разным социальным группам.

Столкнувшись с трудностями в применении всех этих критериев, некоторые исследователи начали искать выход на пути введения новых, дополнительных показателей, которые, по большому счету, ситуацию только запутывают.

Например, в качестве одной из таких дополнительных характеристик часто называют наличие машины или двух. Действительно, в структурированном обществе характеристики машины (как и характеристика жилья и некоторые иные) в подавляющем большинстве случаев соответствуют классовой (групповой) дифференциации. Проявлением этого, например, является соответствие «уровня» машины «уровню» жилья. То есть, если человек живет в престижном районе в доме за полмиллиона долларов, то его не поймут, если он будет ездить на старом «Запорожце». И наоборот, если он живет в социальном доме и не имеет своего жилья, то покупка престижно-

го «Бентли» будет восприниматься минимум как чудачество. И то, и другое моветон, отклонение от нормы и, по большому счету, признак асоциальности, недобропорядочности. В то же время в России достаточно часто можно встретить самые престижные машины во дворах старых «хрущевок» и полуразрушенных хибар. И это воспринимается как норма. Очень часто покупка машины или дорогого аксессуара служит компенсацией отсутствия иных, более значимых благ, свидетельствует о стремлении чего-либо достичь, но не об уже достигнутой реальности. Символы социального статуса в обществах с формирующейся, мобильной социальной структурой зачастую «подменяют», маскируют сам статус, характеризуя при этом вектор социальных устремлений и модели потребительского поведения.

Вторым, дополнительным критерием иногда называют регулярные поездки за границу. Возможно, зарубежные вояжи и их частота говорят о доходе, но едва ли о «добропорядочном» поведении. И уж совсем не свидетельствуют о том, что человека в определенных кругах признают «своим». Еще более часто встречается реальность в обратной логике: человек не ездит регулярно за границу, но его признают своим в «высшем» обществе.

Третьим возможным критерием, имеющим достаточно длительную традицию применения, является характер труда, подразделяемого на ручной и неручной [см., напр.: 12]. В соответствии с этим критерием к среднему классу относились люди, занимающиеся неручным трудом. На основании этого средний класс противопоставлялся пролетарским классам, определяемым по критерию занятия ручным трудом. К тому же неручной труд традиционно считался, а зачастую считается и сегодня, более престижным. С другой стороны, неручной труд представляется менее престижным, чем владение собственностью или государственное управление, занятие политикой. Однако сокращение доли профессий ручного труда, появление профессий неручного труда, которые по своим характеристикам и статусу ничем не отличаются от профессий традиционно «пролетарских», распространение собственности и расширение групп, имеющих несколько источников дохода, в том числе одновременно от владения собственностью и собственного труда, и т.д. сделали анализируемый критерий принципиально неприменимым.

Можно моделировать и иные характеристики (знание иностранного языка, обучение детей в считающихся элитными школах и т.д.), но ситуацию они не проясняют. Другими словами, если в структурированном обществе статус, доход и включенность в устойчивые социальные коммуникации связаны, то в России далеко не всегда. Достаточно напомнить о том, как еще совсем недавно общество потешалось над бизнесменами в красных пиджаках, над «новыми русскими». Сегодня ситуация изменилась с точностью до наоборот, бизнесмен, способный задавать стандарты потребления, –

герой нашего времени и герой общества потребления. Что же получается? Если изменения в социальной стратификации происходят ежегодно и ежечасно, то нужно вводить «исторические», временные критерии. Казалось бы, что логика верна, но она запутывает ситуацию еще больше.

Например, в уже упоминаемом исследовании журнала «Эксперт», которое проводилось в середине 2002 г., сумма дохода на члена семьи, позволяющая отнести человека к среднему классу, была произволом исследователей определена в 150 долларов США для всех городов миллионников и в 200 долларов для Москвы. Получается, что в семье из четырех человек (два взрослых, два ребенка) чистый заработок родителей должен был составлять – 10 000 рублей на человека. Прошло всего несколько лет. И что мы видим? Сегодня человека с зарплатой в 10 000 в пору относить к беднякам, а 12 тысяч рублей в Москве вообще означают грань выживания. Могут сказать, что те, кто тогда получал 10 000, сегодня получают много больше. Может быть, но на самом деле это всего лишь гипотеза, которая нуждается в проверке. И не более того. Например, столь же правомерной является гипотеза о том, что среди тех, кто получает сегодня 30 тысяч, велико число тех, кто в 2002 г. вообще ничего не получал, ибо учился, или получал мизер, начиная свое дело.

Если же говорить принципиально о смене парадигм развития, которую переживает современный мир, то этот самый трудноуловимый средний класс оказывается абсолютно различным в «простой» современности и современности «высокой», постиндустриальной, постмодернистской. Если в «простой» современности, которая постепенно изживает себя исторически, представитель среднего класса – добропорядочный гражданин без отклонений от нормы, то в обществе «высокой» современности он превращается в человека, который проектирует свою индивидуальную биографию [10]. И те, и другие существуют вместе в одно время, и тех и других относят к одному среднему классу. Но они социально разные. Ими могут быть эпатажный дизайнер и суровый металлург, журналист-фрилансер и пожилой бухгалтер.

Кроме того, оказывается, что «конструируя» средний класс, нужно учитывать «районные» коэффициенты, то есть место и регион проживания тех, кого исследователи «записывают» в средний класс. Если Уорнер в двух разных американских городах обнаруживал разные классы, то сегодня шансы обнаружить еще более различающиеся социальные картины неизмеримо большие. Очевидно, что человек из Верхней Салды, Чусовского, Невьянска или «всемирно известного» Урюпинска с заработком в 20 000 рублей реально будет отличаться от такого же в Санкт-Петербурге, Екатеринбурге или Москве. И дело не только в покупательной способности рубля, в его реальном размере, но и в том, какие услуги и

товары на этот рубль можно приобрести в городах, где они проживают, ибо возможности в различных населенных пунктах принципиально разные.

Вывод из всего сказанного прост: обнаружить некий более или менее единый средний класс в современной России невозможно. Его не существует. Он миф [см., напр.: 2; 3; 8; 9]. Есть люди с определенным уровнем образования, есть люди с доходом, обеспечивающим возможность сбережений, есть люди с дифференцированными доходами, есть люди, удовлетворенные своей жизнью, но все они – разные по статусу, представляющие различные социальные слои и группы.

Кстати заметим, что точно так же, как не существует некоего «среднего класса», отличающегося набором фундаментальных объединяющих характеристик, также не существует интеллигенции с набором зарплатных и образовательных характеристик, не существует молодежи как единого социального слоя и т.д. И в воинской части, формируемой по призыву, и в каком-либо вузе есть молодежь, но что ее объединяет кроме возраста?

Особой частью мифа о «среднем классе» являются мифы о его стабилизирующих функциях. Средний класс считается опорой демократии, опорой общества, опорой государства, обеспечивающей стабильность и норму. Но вспомним лишь один факт. Кто был социальной базой национал-социализма в Германии и фашизма в Италии? Отнюдь не крупный монополистический капитал, но так называемая «мелкая буржуазия», то есть в современной терминологии – представители среднего класса, те люди, которым было что терять в кризисные времена и которые не просто хотели, но жаждали жесткой руки и авторитарной власти.

Так почему же миф о «среднем классе» не только не умирает, но становится все более популярным? Очевидно, что сама проблематика среднего класса в интересах любого режима, тем более авторитарного, патерналистского. Все рассуждения на тему среднего класса имеют предельно ограниченное количество логик, которые фактически сводятся к двум основным.

Логика первая. Численность среднего класса растет, его совокупный доход увеличивается, тенденции позитивные, а потому «верной дорогой идете, товарищи». И далее, стране нужна стабильность, преемственность и т.д. Другими словами, миф о среднем классе становится симулятивным критерием успешности проводимой властью политики.

Логика вторая. Средний класс не зрел, средний класс необходимо формировать, именно неразвитостью среднего класса можно объяснить незначительные темпы развития и отдельные недостатки, численность среднего класса недостаточна для обеспечения стабильности страны. И далее вновь: стране нужна сильная власть, ко-

торая бы компенсировала все последствия неразвитости среднего класса, в частности обеспечивала бы стабильность и предпринимала меры для формирования этого «замечательного слоя». Фактически эти логические построения практически один в один повторяют логику власти в отношении гражданского общества, которое «не зрело, но развивается» и которое «нужно формировать».

Очевидно, что и та, и другая логика имеют охранительный, консервативный характер и вполне пригодны для «обслуживания» патерналистского государства. При этом термин «средний класс» в подавляющем большинстве, если не в 100%, случаев употребляется явно с позитивным акцентом. В эту ловушку позитивности попадают и либеральные критики, пытающиеся осуществить деконструкцию мифологии среднего класса. Указывая на все методологические просчеты в конструировании мифа, на его «конфликт» с социальной реальностью, критики все же признают функциональность мифа о среднем классе, который в силу этого наделяется мобилизующим потенциалом большим, чем миф о богатстве, чем «золотая мечта» и т.п. [9]. Дальнейшая логика рассуждений сводится к «установлению» связи между политическим аспектом достижительности (смена в массовом сознании «нормы бедности» на «норму успешности»), на которую ориентирует миф о среднем классе, и признание необходимости политической активности, защиты прав собственности и т.п. При кажущейся непротиворечивости такая «одобрительная», половинчатая критика имеет неустрашимые изъяны.

Во-первых, она предполагает целый ряд допущений, которые требуют принципиальных доказательств. Назовем лишь два.

Первое, связь между установкой на достижительность и трансляцией мифа о среднем классе является исключительно гипотетической. Более того, вполне допустима обратная гипотеза – трансляция мифа приводит к субъективному закреплению социального статуса, ибо способствует тому, что люди из всех слоев начинают относить себя к среднему классу, теряя в результате стимулы к успеху. Действительно, и долларовый миллионер, и средний преподаватель вуза, и мелкий чиновник провинциального муниципалитета, скорее всего, отнесут себя к среднему классу, который воспринимается как «нормальный». По данным исследования, проведенного ВЦИОМ весной 2008 г., к среднему классу себя относили до 42% россиян [5]. Результаты аналитической группы Ю. Левады ВЦИОМ-А, полученные по иным методикам в 2003 г., впечатляют еще больше. К среднему классу себя причисляли порядка 80% всех россиян, готовых считать «свое положение “средним”, когда оно колеблется между “совсем плохо” и “чуть лучше”», и желающих «сохранить достоинство, даже будучи фактически нищими» [2]. С данными, полученными Ю. Левадой, о «субъективном среднем классе» идеально коррелируют результаты исследований о «счаст-

ливых россиянах». По данным ВЦИОМ, весной 2008 г. определенно и скорее счастливыми себя ощущали примерно 77% россиян [13]. Более того, даже во время дефолта 1998 г., когда рушилось благополучие миллионов, счастливыми себя считали примерно 60% россиян [см., напр.: 1]. Все это говорит о том, что принадлежность к среднему классу воспринимается как естественное состояние, что «субъективный средний класс» структурно совпадает со всем населением, и таким образом косвенно подтверждается гипотеза об отсутствии связи между ориентацией на достижительность и мифом о среднем классе.

Второе допущение связано с предположением о том, что человек, который достиг определенного материального положения, всегда будет стремиться к его упрочению, к движению по карьерной лестнице, к росту доходов и т.п. Данная гипотеза не выдерживает критики, и уже многократно опровергалась. Простой пример, хорошо известно, что повышение зарплаты является стимулом для улучшения качества и роста интенсивности труда лишь до определенных пределов, после достижения которых, любое материальное стимулирование оказывается бесполезным. Более того, более правдоподобно выглядит иная гипотеза – психология достижительности прямо не зависит от принадлежности к социальной группе и характерна не только (а, возможно, и не столько) для среднего класса, который отличается тем, что уже достиг срединного положения, то есть успешности, нормы.

Во-вторых, благожелательные критики мифа о среднем классе часто сравнивают несравнимое. Например, если они первоначально говорят о том, что средний класс – мифологическая конструкция, которая не имеет непосредственного отношения к реальности, то, делая выводы о продуктивности и функциональности мифа, утверждают, что этот миф вызывает продуцирование реальным (!) средним классом политической активности, ценностей, стиля жизни и т.п. Другими словами, происходит подмена реальности мифом, жертвой эффективности которого, судя по всему, становятся сами исследователи.

В-третьих, даже в том случае, если признать наличие мифического среднего класса реальностью, то возникает противоречие в рассуждениях. С одной стороны, признается тот факт, что политическая активность среднего класса может быть вполне авторитарной (пример Германии). С другой, выражается уверенность в неизбежности демократической ориентации среднего класса в России. Представляется, что много проще и эвристичнее признать допустимой гипотезу, что средний класс может выступать опорой любого режима, что он идеологически нейтрален. И точно так же не в состоянии продуцировать собственную идеологию, как рабочий класс, по признанию В. Ленина, не в состоянии самостоятельно породить идеоло-

гию пролетарскую, неизбежно «останавливаясь» на присвоении анархо-синдикалистских ценностей.

Единственное, в чем можно согласиться с доброжелательными деконструкторами мифа, в его функциональной эффективности. Вот только эффект от трансляции мифа о среднем классе никакого отношения ни к становлению демократии, ни к либерализму, ни к модернизации, ни к постмодерну не имеет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Баймухаметов С.* Счастливые [Электронный ресурс]. Русский базар № 24(634) 12-18 июня 2008 г. – Режим доступа: <http://www.russian-bazaar.com/article.aspx?ArticleID=12723> (проверено 01.09.2008).
2. *Биянова Н., Петрачкова А.* Россияне считают себя средним классом, находясь за чертой бедности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rostrud.ru/portal/load/doc-cfc849193922834db358c09d49ab6342-1df01f.cfc849193922834db358c09d49ab6342-1e464a.htm> (проверено 01.09.2008).
3. *Гильбо Е.* Миф о «среднем классе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.analysisclub.ru/index.php?page=putin1&art=2492> (проверено 01.09.2008).
4. *Диунов М.* Миф о среднем классе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zlev.ru/85_56.htm (проверено 01.09.2008).
5. До 42% россиян считают себя средним классом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/novosti/v-centre-vnimanija/publikacija/single/9989.html> (проверено 01.09.2008).
6. Малообеспеченные в России: Кто они? Как живут? К чему стремятся? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=814 (проверено 01.09.2008).
7. *Николаева Д.* Россиян переводят в средний класс [Электронный ресурс] «Коммерсантъ», 31.01.2008. № 14(3831). – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=847473> (проверено 01.09.2008).
8. *Радаев В.* Средний класс в России или к появлению нового мифа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.znanie-sila.ru/online/issue_131.html (проверено 01.09.2008).
9. *Радаев В.* Российский средний класс: миф, который должен стать реальностью [Электронный ресурс]. РФ сегодня. № 17. 2004 г. – Режим доступа: http://www.russia-today.ru/2004/no_17/17_look.htm (проверено 01.09.2008).
10. *Согомонов А.* «Средний класс» и образование: quid pro quo? (конфликт толкований и концептуальная повестка на XXI век) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=3&article=184> (проверено 01.09.2008).
11. *Уваров А.* Стиль жизни среднего класса: критические заметки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://club.fom.ru/entry.html?entry=2545> (проверено 01.09.2008).
12. Форум профессора Афонина. Феномен и понятие «среднего класса»: сущность и тенденции развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://afonined.livejournal.com/32038.html> (проверено 01.09.2008).
13. Что для счастья нужно? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/10160.html> (проверено 01.09.2008).

14. Что такое средний класс? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.middleclass.ru/middleclass/> (проверено 01.09.2008).

RESUME

Konstantin Victorovich Kiselev, Candidate of philosophy, associate professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 257-96-25, kiselevkv@yandex.ru

The Myth about Middle Class: its Construction Base and Political Functions

The author analyzes the myth about middle class, its content, construction base, political functions and main types of deconstruction.

Middle class, social structure, mythology, myth, deconstruction of myth.

Материал поступил в редколлегию 12.09.2008 г.